

АНТИГИТЛЕРОВСКАЯ КОАЛИЦИЯ: издержки в межсоюзнической коммуникации

А.М. Филитов

Аннотация. Ошибки устного и письменного перевода, разночтения в записях дискуссий и в текстах официальных документов, намеренные искажения фактов — все эти феномены в истории взаимодействия лидеров антигитлеровской коалиции, по большей части ранее не привлекавшие внимания исследователей, вводятся в научный оборот и анализируются в данной статье. Рассмотрены эпизоды, начиная от встречи Рузвельта и Черчилля в заливе Пласеншиа-бей в августе 1941 г., англо-американских конференций в Вашингтоне и Касабланке (1941–1943) до саммитов «Большой тройки» в Тегеране, Ялте и Потсдаме (1943–1945). Автор приходит к выводу, что если издержки во взаимном восприятии более или менее успешно преодолевались в практике межсоюзнического сотрудничества, они впоследствии стали использоваться как инструмент для создания «образа врага» в процессе перехода к холодной войне.

Ключевые слова: Атлантическая хартия, Декларация Объединенных наций, безоговорочная капитуляция, германский вопрос, ялтинская декларация о Польше, Сталин, Рузвельт, Черчилль, Болен, Меттьюз, Гарриман

Для цитирования: Филитов А.М. Антигитлеровская коалиция: издержки в межсоюзнической коммуникации // Преподаватель XXI век. 2026. № 3. Часть 2. С. 183–193. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-3-183-193

ANTI-HITLER COALITION: Difficulties in the Inter-Allied Communication

A.M. Filitov

Abstract. Interpreters' / translators' snags, discrepancies in the transcripts of discussions and in the texts of official documents, intended distortions of the facts — all those phenomena in the history of the interaction between the leaders of the Anti-Hitler coalition largely neglected in previous research are duly registered and analyzed in this article. Covered are the episodes stretching from Roosevelt-Churchill meeting in Placentia Bay of August 1941, Anglo-American conferences in Washington and Casablanca of 1941–1943, to the summits of “Big Three” in Tehran, Yalta and Potsdam of 1943–1945.

© Филитов А.М., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

The author concludes that while the difficulties in the mutual perceptions were more or less successfully overcome in the practice of inter-allied cooperation, they used to be instrumentalized subsequently for the construction of the “enemy image” in the process of the emerging cold war.

Keywords: *Atlantic Charter, Declaration of United Nations, Unconditional Surrender, German question, Yalta Declaration on Poland, Stalin, Roosevelt, Churchill, Bohlen, Matthews, Harriman*

Cite as: Filitov A.M. Anti-Hitler Coalition: Difficulties in the Inter-Allied Communication. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*. 2026, No. 3, part 2, pp. 183–193. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-3-183-193

Весьма распространена точка зрения, согласно которой основной причиной международных конфликтов являются неверные представления их участников друг о друге, об их мотивах, целях и характере их политики в целом. Имеются даже теоретические разработки на эту тему, в том числе и с применением математических моделей, на основании которых анализируются, в частности, предистория Первой мировой войны и предшествовавший ей июльский кризис 1914 г. [1]. Взаимные ошибочные оценки намерений и действий Советского Союза и западных держав, по мнению многих историков, особенно так называемого «постревизионистского» направления, стали основным фактором в генезисе холодной войны. Автор этих строк, посвятивший разбору этой концепции особый раздел своей монографии, выразил к ней довольно критическое отношение, отметив, в частности, что искажения в этих оценках (мисперцепции) возникали не сами по себе, а в качестве выполнения пропагандистского заказа политиков, настроенных на конфронтацию [2, с. 157–171]. Вместе с тем нельзя отрицать, что в ряде случаев, особенно в период действия антигитлеровской коалиции, имели место сбои в каналах взаимного восприятия, не обусловленные чьей-либо злой волей или подозрениями в злой воле партнера. Порой речь шла о технических ошибках перевода документов союзников или высказываний их лидеров, ошибок, которые не имели какого-либо политического значения (но постфактум давали историкам основания для далеко идущих выводов с выходом на политику), порой — о неверной интерпретации слов документа и/или партнера, даже переведенных достаточно корректным образом. При переходе от союза к конфронтации «бессознательное» в мисперцепциях все больше уступало место сознательной фальсификации, призванной лишний раз подчеркнуть злокозненность противника. В рамках данной статьи автор ограничивает свое изложение периодом деятельности антигитлеровской коалиции, когда упомянутые издержки восприятия в целом преодолевались практикой союзнического сотрудничества, становясь, однако, «реперными точками» для политических обвинений в период перехода от сотрудничества к конфронтации.

14 августа 1941 г. президентом США и британским премьером Черчиллем была обнародована совместная декларация, получившая название Атлантическая хартия. Разработка этого документа проходила в сложном взаимодействии различных политических сил и установок, что отразилось и в его содержании. Проблема интерпретации

различных имевшихся в нем положений в немалой степени зависела от точности их перевода. Между тем, официальная русскоязычная версия этого перевода обнаруживает явные и труднообъяснимые отклонения от оригинала.

Первый пример: пункт 5 документа в советском официальном сборнике говорит о стремлении сторон «добиться полного сотрудничества между всеми странами в экономической области с целью обеспечить для всех более высокий уровень жизни, экономическое развитие и социальное обеспечение» [3, с. 167]. Между тем в англоязычном тексте в качестве первой цели обозначено «улучшение условий труда» (*improved labor standards*) [4, с. 202]. В данном случае такое вольное обращение с текстом не особенно влияет на оценку его содержания; в обоих вариантах представлены формулировки, отражавшие идеологию рузвельтовского «нового курса» и британского лейборизма. Кстати сказать, весь 5-й пункт отсутствовал в первоначальном проекте документа и был добавлен по результатам ночного заседания британского кабинета под председательством заместителя премьера, лидера лейбористов К. Эттли. Черчиллю эти идеи были, разумеется, глубоко чужды, но он предпочел не спорить, считая (в общем, небезосновательно), что речь идет не более как о благих пожеланиях.

Издержки перевода сильнее сказались на оценке 8-го пункта Хартии. В советском сборнике первая фраза изложена так, что читатель оказывается в недоумении: то ли лидеры США и Англии были явно не в ладах с логикой, то ли они в политике руководствовались заповедью о непротивлении злу насилем, притом в самом крайнем выражении: «...Все государства мира должны по соображениям реалистического и духовного порядка отказаться от применения силы, поскольку (? — А.Ф.) никакой будущий мир не может быть сохранен, если государства, которые угрожают или могут угрожать агрессией за пределами своей территории будут продолжать пользоваться сухопутными, морскими и воздушными вооружениями. Черчилль и Рузвельт считают, что впредь до установления более широкой и надежной системы всеобщей безопасности такие страны должны быть разоружены» [3, с. 167]. Как можно разоружить агрессоров без применения силы — на этот напрашивающийся вопрос ответа нет. Между тем, согласно оригиналу, «все нации мира ...должны прийти к отказу (курсив наш. — А.Ф.) от применения силы», и на этом первое предложение заканчивается. Следует не запятая, а точка! Сформулирована «программа-максимум» или, вернее, некий идеал, достижение которого лежит за пределами переживаемого периода. Актуальная же задача определена во втором предложении, начиная с «Поскольку» и заканчивая «должны быть разоружены», с запятой вместо точки перед фамилиями авторов документа (в англоязычном тексте — просто «они»). Точности ради приведем упомянутый отрывок из Хартии на языке оригинала: «*Eighth, they believe that all the nations of the world, for realistic as well as spiritual reasons, must come to the abandonment of the use of force. Since no future peace can be maintained if land, sea or air armaments continue to be employed by nations which threaten, or may threaten, aggression outside of their frontiers, they believe, pending the establishment of a wider and more permanent system of general security, that the disarmament of such nations is essential*» [4, с. 203]. Нарочитая запутанность лексики в русскоязычном переводе давала почву для подозрений в том, что западные лидеры никакой внятной программы не выработали, либо за звонкими и малосодержательными фразами скрывали свои подлинные замыслы. Так, известный англовед В.Г. Трухановский

считал, что на самом деле авторы Хартии имели в виду, что разоружению подлежали не только агрессоры, но и вообще все страны мира, кроме двух — их собственных, которые должны были стать мировыми гегемонами [5, с. 329]. Вообще говоря, такие идеи выдвигались в ходе обсуждения проекта Хартии, упоминалась даже «теоретическая» опция разоружения советского союзника, но, к чести прежде всего американского президента, ее отвергли, и никаких следов таких фантазий в каноническом тексте документа не отложилось. Парадоксальным образом его русскоязычный альтернат потерял многое с точки зрения ясности и недвусмысленности из-за всего лишь двух ошибок в пунктуации, допущенных советским переводчиком и не замеченных при редактировании! К сожалению, в последующих перепечатках текста Хартии эти ошибки не были исправлены [6, с. 197].

14 сентября 1941 г. на Лондонской конференции союзников по антигитлеровской коалиции о присоединении к Атлантической хартии заявили представители правительства Советского Союза, правительств в изгнании Бельгии, Греции, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Польши, Чехословакии и Югославии, а также движения Свободной Франции во главе с генералом де Голлем. В ходе первой Вашингтонской конференции был выработан документ, развивавший положения хартии. 1 января 1942 г. этот документ, получивший название «Декларации Объединенных наций», был подписан представителями четырех великих держав — СССР, США, Великобритании и Китая. 2 января к ним присоединились представители еще 22 государств: помимо восьми европейских стран, оккупированных нацистами и представленных правительствами в изгнании, которые ранее участвовали в Лондонской конференции, речь шла о четырех британских доминионах (Австралия, Канада, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз), британской колонии Индии, а также о девяти странах Центральной Америки. Движение Свободной Франции оказалось исключенным из списка приглашенных к подписанию. Формальным основанием для такого решения было то соображение, что все положения Декларации подавались от имени правительств тех или иных стран, а руководство Свободной Франции такого статуса не имело. Придать ему такой статус, позволив подписаться под Декларацией, означало бы явный вызов коллаборационистскому «правительству» Виши, с которым США (в отличие от Великобритании и СССР) сохраняли дипломатические отношения и в тот момент не хотели их обострения. Таким образом, за формальной аргументацией стояли вполне очевидные интересы американской реалполитик [подробнее см. 7, с. 135–178]. С другой стороны, недопуск к подписанию деголлевцев был также чреват политическими издержками. Выход из дилеммы пытались найти в своеобразном словотворчестве: англоязычные переговорщики предложили во всех случаях, когда в тексте упоминаются правительства (Governments), добавлять еще «и органы власти» (and Authorities), имея в виду под таковыми не только возглавляемый де Голлем Французский национальный комитет, но и Национальный комитет освобождения Чехословакии во главе с Бенешем, юридический статус которого оставался к тому времени не вполне определенным. Это предложение не нашло поддержки, в том числе и со стороны посла СССР в США М.М. Литвинова [8, с. 151–152, 371–372]. В конечном счете бенешевский комитет получил (или, вернее, подтвердил за собой) право считаться правительством в изгнании и вошел в число 26 «Объединенных Наций», а деголлевский — нет. Пример показательный: когда

нет почвы для компромисса, никакие ухищрения в сфере вербальной коммуникации сами по себе к нему не приведут, а когда такая почва есть (в случае с Чехословакией не было ситуации с двумя государственными структурами-конкурентами), то особых ухищрений и не требуется.

В ходе состоявшейся 14–24 января 1943 г. встречи Рузвельта и Черчилля в Касабланке (Марокко) в качестве общей цели по отношению к Германии и ее сателлитам была выдвинута формула, которая в русскоязычном переводе фигурирует как «безоговорочная капитуляция». Между тем перевод этот не вполне точен. Англоязычный оригинал (*unconditional surrender*) подразумевал, что союзники не собирались предъявлять противнику каких-либо условий или требований, кроме одного — сложить оружие и сдаться, что называется «на милость победителя». Что будет потом, какова будет эта «милость» (или «немилость»), — оставлялось открытым. В условиях, когда в англоязычных СМИ циркулировали самые экстравагантные, продиктованные порой духом слепой мести планы обращения с послевоенной Германией, касабланкская формула стала буквально находкой для геббельсовской пропаганды: мол, союзники замыслили в отношении немцев нечто столь ужасное, что даже не решаются это озвучить, значит, надо сражаться до конца. Советский альтернатив нейтрализовал эту пропаганду: имелось в виду, что союзники выработают конкретные условия капитуляции, которые должны быть предъявлены противнику и приняты им без каких-либо попыток их изменить или поставить под сомнение, т. е. «безоговорочно». В ходе первого саммита трех великих держав в Тегеране эта позиция была высказана достаточно ясно: «Сталин сказал Рузвельту, что требование безоговорочной капитуляции со стороны союзников подхлестывает людей во вражеских армиях, заставляя их сражаться с ожесточением, так как безоговорочная капитуляция им кажется оскорбительной. Поэтому он, Сталин, хотел бы знать, что думает Рузвельт по поводу того, чтобы разработать вопрос о том, что означает «безоговорочная капитуляция», то есть определить, какое количество оружия, средств транспорта и т. д. должен выдать противник, а затем огласить эти условия, не называя их безоговорочной капитуляцией» [9, с. 91–92]. Рузвельт, как следует из записи беседы, «не дал определенного ответа на этот вопрос», однако последующие дискуссии в рамках Европейской консультативной комиссии показали, что советская точка зрения нашла понимание западных партнеров. Об этом говорило само название английского меморандума, представленного в ЕКК 15 января 1944 г., — «Условия капитуляции для Германии». Без *unconditional*! Более противоречиво звучало название аналогичного американского документа от 25 января того же года: «*Terms of Unconditional Surrender*». Буквальный перевод — «Условия капитуляции без всяких условий» — представлял собой очевидный оксюморон. Американский историк В. Мاستны проявил толику уместного юмора, когда вынес в название одной из глав своей книги формулировку: «*Conditions of Unconditional Surrender*» [10, с. 145]. Суть документа, разрабатываемого союзниками, вероятно, более точно передавала бы формула *unreserved surrender*, но в публичном дискурсе она не появилась. Поскольку выработка условий капитуляции Германии проходила в строго секретном порядке, а в западной пропаганде по-прежнему фигурировала *unconditional surrender*, почва для геббельсовской контрпропаганды оставалась. В советском переводе это противоречие между содержанием политики и словесной оболочкой отсутствовало.

В ходе той же Тегеранской конференции имел место эпизод, когда сбой в вербальной коммуникации едва не привел к серьезному конфликту. После окончания первого пленарного заседания 28 ноября президент США поделился некоторыми соображениями относительно мер по обеспечению европейской безопасности в послевоенном мире. В числе таких мер он назвал установление международного контроля над проливами, соединяющими Северное и Балтийское моря. Как следует из сделанной американским дипломатом Ч. Боленом записи неформальной беседы, во время которой была высказана эта идея, в переводе слов Рузвельта на русский язык была допущена ошибка, последовала резкая реакция с советской стороны, однако ошибка была скорректирована, и дискуссия вновь вернулась в спокойное русло [11, с. 509]. В записи не раскрыто, в чем же состояла столь задевшая советскую делегацию ошибка, в которой Болен походя обвинил своего советского коллегу. К сожалению, в советском сборнике документов об этом саммите опубликован лишь отрывок из записи этой неформальной беседы, касающийся проблемы безоговорочной капитуляции (он приведен выше); все, что было сказано до и после, отсутствует. В этих условиях разделить субъективное и объективное в первоисточнике, определить содержание этого объективного — задача достаточно сложная, но не невозможная. Часть решения предложил сам автор записи: Болен-мемуарист дезавуировал Болен-дипломата, признав, что ошибку в переводе допустил он сам, а вовсе не советский переводчик [12, с. 141]. Baltic straits («балтийские проливы») у Рузвельта им были восприняты, очевидно, как Baltic states («балтийские государства»), и соответственно Сталин не мог воспринять высказывание президента иначе, как непризнание факта их вхождения в состав СССР и намерение поставить три новые советские республики под международный контроль. В записи Болен не зафиксировано, как конкретно прошел процесс корректировки его оплошности; можно предположить, что Сталин выразил протест и изложил известную советскую позицию по поводу событий 1940 г., а его западные партнеры вынуждены были ее принять, чего раньше (да и впоследствии) никогда официально не делали.

Если в данном случае речь шла о непреднамеренном искажении слов президента, что в конечном счете парадоксальным образом сыграло в пользу СССР, то чаще случалось обратное: официальные записи дискуссий «большой тройки» сознательно составлялись и/или редактировались так, чтобы по возможности «уличить» советскую сторону в тех или иных нарушениях «политкорректности», отрицая какую-либо причастность к ним собственных лидеров. Показательный пример — обсуждение на следующем саммите союзников (Ялтинской конференции) проблемы будущего послевоенной Германии. По ряду причин, перечисление которых далеко увело бы от темы данной статьи, Сталин выступал за фиксацию принципа расчленения рейха, не исключая, впрочем, и варианта сохранения целостности государства при наличии центрального правительства. Многое зависело от позиции западных партнеров, которым советский лидер предложил высказаться по данному вопросу. Первым взял слово американский президент. Его высказывание в советском документальном сборнике передано следующим образом: «Рузвельт заявляет, что, насколько он понимает, вопросы, поставленные Маршалом Сталиным, касаются перманентного состояния. Однако, они вытекают из вопроса о зонах оккупации Германии. Может быть, эти зоны будут первым шагом к расчленению Германии» [13, с. 60].

В отличие от Тегерана в Ялте с американской стороны работали два переводчика Госдепартамента — тот же Болен и его коллега Мэттьюз. Соответственно, в официальном сборнике документов представлены два варианта записей дискуссий. Оба варианта мало чем различаются в той части, что касается воспроизведения высказываний Сталина, однако в изложении слов собственного президента оба переводчика представляют сильно разнящиеся версии того, чему они были свидетелями, отличные, кстати, и от того, что зафиксировано в советском сборнике. Согласно версии Болена, «Президент ответил, что, насколько он понимает, вопрос перманентного обращения с Германией может вытекать из вопроса о зонах оккупации, хотя оба эти вопроса прямо друг с другом не связаны» (The President replied that, as he understood it, the permanent treatment of Germany might grow out of question of the zones of occupation, although the two were not directly connected [14, с. 612]). Версия Мэттьюза: «Президент: Все эти и прочие вопросы (имеются в виду альтернативные варианты, которые были обозначены Сталиным. — А.Ф.) вытекают из вопроса о зонах оккупации. Иден (кивая): Это верно» (President: All these other questions are permanent and grow out of the zones of occupations. Eden: (nodding) That's right [14, с. 624]).

Нетрудно заметить, что в обоих вариантах американских записей прослеживается явный политический заказ: по возможности затушевать тот факт, что президент США однозначно выбрал опцию раскола Германии путем превращения демаркационных линий между зонами в государственные границы. Реальная история сложилась так, что границы между западными зонами постепенно исчезли, и вместо четырех германских государств возникли только два — ФРГ и ГДР. Приведенное высказывание Рузвельта ни в одном из вариантов не отвечает на вопрос, предвидел ли он такую возможность. Тем не менее его неприятие перспективы сохранения единого германского государства очевидно. В обстановке, когда вступление ФРГ в НАТО окончательно оформило раскол Германии, вопрос об ответственности за него стоял особенно остро. Признать, что такое развитие событий, причем даже в более радикальном виде (не два, а четыре государства!), изначально планировалось лидерами западного мира, означало бы проигрыш в пропагандистской войне. Соответственно, только очень дотошный читатель изданного в 1955 г. (именно тогда ФРГ стала членом НАТО) американского сборника о Ялте может уловить в записи Мэттьюза намек на то, что зональное разграничение рассматривалось Рузвельтом как «матрица» для межгосударственного; о том, что при этом он прямо употребил слово «расчленение», умалчивается в обоих вариантах записей. К сожалению, ответ на этот пропагандистский шедевр явно запоздал: впервые советские записи ялтинских дискуссий стали публиковаться в 1961 г. Кстати, при этом осталась за кадром реплика министра иностранных дел Великобритании, которая свидетельствовала о том, что в данном случае Рузвельт выразил не только (и возможно, не столько) свое личное мнение, сколько складывавшийся англо-американский консенсус по одному из важнейших вопросов послевоенного мира.

Если разночтения в скрытых от общественности записях дискуссии на Ялтинской конференции привлекли к себе внимание спустя десять лет, то в период непосредственно после ее окончания настоящий взрыв политических эмоций вызвала проблема толкования одного из итоговых публичных документов саммита, а именно

«Декларации о Польше». На первый взгляд, спорить было не о чем: было признано, что в освобожденной Советской армией Польше действует Временное правительство, руководимое коммунистами, и что его социальная база должна быть расширена за счет политиков — некоммунистов, которые не были бы замешаны в сотрудничестве с немецкими властями и антисоветской деятельности. Круг лиц, которые могли бы удовлетворить данным критериям, должны были определить представители «большой тройки» (в лице наркома иностранных дел СССР Молотова и аккредитованных в СССР послов США и Великобритании — Гарримана и Керра) и различных групп польских политиков. Выработанная формула гласила: «В.М. Молотов, г-н Гарриман и сэр Арчибалд Кларк Керр уполномочиваются как Комиссия проконсультироваться в Москве в первую очередь с членами теперешнего Временного Правительства и с другими польскими демократическими лидерами как из самой Польши, так из-за границы» [1]. Англоязычный вариант содержал в себе малозаметное, но значимое отличие от русскоязычного: слова «в Москве» и «в первую очередь» были переставлены местами. Такая операция позволила упомянутому Гарриману в своих мемуарах заявить, что Рузвельт и Черчилль, как и он сам, принимая данную формулу, «имели в виду только то, что первое заседание (Комиссии) должно состояться в Москве, а не в Варшаве — и ничего более» [15, с. 413].

Версия Гарримана, разумеется, далека от истины. Надо обладать изрядной долей фантазии, чтобы представить себе, что, открыв работу Комиссии, советский нарком бросил бы все дела в Москве, отправился в разрушенную Варшаву и либо остался там надолго, либо стал кочевать туда-обратно в течение неопределенного периода времени; вряд ли такой образ работы мог импонировать и привыкшим к комфорту западным послам; во всяком случае, реальная работа Комиссии проходила исключительно в Москве, и никто не ставил вопроса о ее переносе куда-либо еще. Формулировка «в первую очередь» относилась, естественно, к порядку консультаций с польскими политиками, и означала, что приоритетное место в них займут представители существующего в Варшаве правительства. Этот факт отмечал и президент США в своем послании Черчиллю от 29 марта 1945 г., обращая внимание на то, что в ялтинском компромиссе «большой упор был сделан на люблинских поляках в сравнении с двумя другими группами, из которых должно быть образовано новое правительство» [16, с. 301]. В порядке уточнения: в Ялте не было речи о создании «нового правительства», а лишь о реорганизации существующего, но это уже детали. Ясно одно: попытка путем перестановки элементов текста документа исказить его смысл нельзя признать удачной. Вероятно, с советской стороны либо не обратили внимание на эту уловку, либо не придали ей серьезного значения, что можно считать определенным упущением. Во всяком случае, обсуждение польского вопроса, затянувшееся до июня 1945 г., завершилось в полном соответствии с той интерпретацией ялтинского документа, которой придерживалась советская сторона: в созданном Правительстве национального единства 17 портфелей из 21 оказались в руках «варшавских поляков». [16, с. 334]

Высказывания Гарримана-мемуариста по поводу ялтинских решений нечасто цитируются историками: уж слишком искусственной выглядит его попытка исказить их суть. Широкое распространение получило, с другой стороны, приписываемое ему описание диалога со Сталиным во время работы последнего саммита антигит-

леровской коалиции — Потсдамской конференции. Высказывания самого Гарри-мана, как и обстоятельства, при которых они были сделаны, различными авторами воспроизводятся по-разному (дата предполагаемой беседы вообще остается неизвестной), в неизменном виде фигурирует лишь реплика советского лидера: «Царь Александр дошел до Парижа». Столь же неизменной остается трактовка этой реплики как выражения намерения не ограничивать советское военное присутствие восточной Германией, а распространить его дальше на запад, как это было в ходе освободительного похода российской армии против Наполеона [17, с. 18]. Эта точка зрения находит своих сторонников и в современной российской историографии [18, с. 87]¹. Между тем, если Сталин и говорил что-то подобное (подтверждение тому можно обнаружить в заметках о разговорах с его ближайшим сподвижником — Молотовым [19, с. 103]), то речь шла отнюдь не о планах экспансии, а скорее о глубокой озабоченности возможностью повторения неблагоприятного для России сценария прошлого века: русские войска вернулись в границы своего государства, образовалась враждебная коалиция, в которой объединились и прежние противники (Франция), и прежние союзники (Англия), и все кончилось Крымской войной и поражением России. Такое толкование слов Сталина, думается, ближе к истине, тем более что история подтвердила обоснованность его опасений.

В период холодной войны попытки исказить те ли иные высказывания оппонента приняли особенно интенсивный яркий характер: достаточно вспомнить кампанию западных СМИ вокруг высказываний Хрущева насчет «кузькиной матери» или его намерения «похоронить» капитализм. Анализ такого рода феноменов пропагандистской дезинформации представляет собой актуальную задачу для исследователя. Результаты такого анализа, несомненно, будут востребованы в учебной и воспитательной работе с молодым поколением.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Nomikos E., North R.* International Crisis: The Outbreak of World War I, Montreal, 1976, 339 p.
2. *Филитов А.М.* «Холодная война»: историографические дискуссии на Западе. М.: Наука, 1991. 200 с.
3. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 1. 803 с.
4. *Woodward E.L.* British Foreign Policy in the Second World War, London, 1971, vol. 2, 679 p.
5. *Трухановский В.Г.* Уинстон Черчилль. М., 1983. 464 с.
6. Системная история международных отношений, 1918–2000. В 4 т. Т. 2: Документы. 1910–1940 / сост. А.В. Мальгин; под ред. А.Д. Богатурова. М.: Московский рабочий, 2000. 243 с.
7. *Севостьянов Г.Н., Уткин А.И.* США и Франция в годы войны 1939–1945. Из истории взаимоотношений. М., 1974. 391 с.
8. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Washington 1941 (1942), and Casablanca, 1943.* Washington, 1968, 895 p.

¹ Автор утверждает, что это было сказано «при распределении зон между союзниками в Берлине». Между тем вопрос о распределении секторов оккупации в Берлине (не «зон»!) был решен еще в 1944 г., а ко времени проведения Потсдамской конференции гарнизоны всех четырех держав уже заняли свои сектора. Трудно доверять историку, допускающему такую небрежность в обращении с фактами.

9. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (29 ноября — 1 декабря 1943 г.) // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. М., 1984. 175 с.
10. *Mastny V.* Russia's Road to the Cold War. New York, 1979. 409 p.
11. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Teheran.* Washington, 1961, 932 p.
12. *Bohlen Ch.* Witness to History. 1929–1969, New York, 1973, 562 p.
13. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.) // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. М., 1984. 301 с.
14. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta, 1945.* Washington, Government Printing Office, 1955, 1110 p.
15. *Harriman W.A., Abel E.* Special Envoy to Churchill and Stalin 1941–1946, New York, 1975, 595 p.
16. *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. 776 с.
17. *Smyser W.R.* From Yalta to Berlin: The Cold War Struggle over Germany, New York, 1999, 465 p.
18. *Наджафов Д.Г.* К вопросу о генезисе холодной войны // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: сб. статей. М., 2003. 640 с.
19. *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. 623 с.

REFERENCES

1. *Nomicos E., North R.* *International Crisis: The Outbreak of World War I*, Montreal, 1976, 339 p.
2. *Filitov A.M.* “*Kholodnaya vojna*”: *istoriograficheskie diskussii na Zapade* [“The Cold War”: Historiographic Discussions in the West], Moscow, Nauka Publ., 1991, 200 p. (in Russ.)
3. *Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza v period Otechestvennoj vojny* [Foreign Policy of the Soviet Union during the Patriotic War], Moscow, 1946, vol. 1. 803 p. (in Russ.)
4. *Woodward E.L.* *British Foreign Policy in the Second World War*, London, 1971, vol. 2, 679 p.
5. *Trukhanovskij V.G.* *Uinston Cherrhill* [Winston Churchill], Moscow, 1983. 464 c. (in Russ.).
6. *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnoshenij, 1918–2000, v 4 t., t. 2, Dokumenty 1910–1940* [A Systematic History of International Relations, 1918–2000, in 4 vols, vol. 2, Documents, 1910–1940], sost. A.V. Mal'gin, pod red. A.D. Bogaturov, Moscow, Moskovsky Rabochy Publ., 2000, 243 p. (in Russ.)
7. *Sevostyanov G.N., Utkin A.I.* *SShA i Franciya v gody vojny 1939–1945. Iz istorii vzaimootnoshenij* [The USA and France during the war of 1939–1945. From the history of relationships], Moscow, 1974, 391 c. (in Russ.)
8. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Washington 1941(1942), and Casablanca, 1943,* Washington, 1968, 895 p.
9. *Tegeranskaya konferenciya rukovoditelej trekh soyuznykh derzhav — SSSR, SShA i Velikobritanii (29 noyabrya — 1 dekabrya 1943 g.)*, In *Sovetskij Soyuz na mezhdunarodnykh konferenciakh perioda Velikoj Otechestvennoj vojny* [The Tehran Conference of the leaders of the three Allied Powers — the USSR, the USA and Great Britain (November 29 — December 1, 1943), The Soviet Union at international conferences during the Great Patriotic War], Moscow, 1984, 175 p. (in Russ.)

10. Mastny V. *Russia's Road to the Cold War*, New York, 1979, 409 p.
11. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Teheran*, Washington, 1961, 932 p.
12. Bohlen Ch. *Witness to History, 1929–1969*, New York, 1973, 562 p.
13. Krymskaya konferenciya rukovoditelej trekh soyuznykh derzhav — SSSR, SShA i Velikobritanii (4–11 fevralya 1945 g.). In *Sovetskij Soyuz na mezhdunarodnykh konferenciakh perioda Velikoj Otechestvennoj vojny* [The Crimean Conference of the leaders of the three Allied Powers — the USSR, the USA and Great Britain (February 4–11, 1945), The Soviet Union at international conferences during the Great Patriotic War], Moscow, 1984, 301 p. (in Russ.)
14. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta, 1945*, Washington, Government Printing Office, 1955, 1110 p.
15. Harriman W.A., Abel E. *Special Envoy to Churchill and Stalin 1941–1946*, New York, 1975, 595 p.
16. Pechatnov V.O. *Stalin, Rusvelt, Trumen. SSSR i SShA v 1940-kh gg.* [Stalin, Roosevelt, Truman. The USSR and USA in 1940s], Moscow, 2006, 776 p. (in Russ.)
17. Smyser W.R. *From Yalta to Berlin: The Cold War Struggle over Germany*, New York, 1999, 465 p.
18. Nadzhafov D.G. *K voprosu o genezise kholodnoj vojny* [On the Genesis of the Cold War]. In: *Kholodnaya vojna. 1945–1963. Istoricheskaya retrospektiva* = The Cold War. 1945–1963 Historical retrospective. Collection of articles, Moscow, 2003, 640 p. (in Russ.)
19. Chuev F. *Sto sorok besed s Molotovym. Iz dnevnika F. Chueva* [One hundred and forty conversations with Molotov. From the diary of F. Chuev], Moscow, 1991, 623 p. (in Russ.)

Филитов Алексей Митрофанович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, a_filitov@mail.ru

Alexey M. Filitov, PhD in History, Chief Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, a_filitov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.03.2026. Принята к публикации 15.04.2026

The paper was submitted 15.03.2026. Accepted for publication 15.04.2026